

Солнечный свет пробивался сквозь витражные окна Хогвартса, отбрасывая причудливые цветные блики на пол дубового кабинета.

Цзээркэсы стоял у входа, бессознательно потирая край мантии. Когда феникс Дамблдора доставил записку, он как раз наблюдал за единорожатами в Запретном лесу. В записке была лишь одна строчка: «Жду вас в кабинете директора в три часа дня».

Оси дверей тихо скрипнули. Дамблдор уже сидел в своем кресле с полукруглыми подлокотниками, его серебристо-белая борода свисала до самых колен. На каменной столешнице перед ним дымились две чашки, и воздух был наполнен освежающим ароматом лимона.

— Присаживайся, Цзээркэсы. — Его голос, подобный согретому на солнце шерстяному пледу, звучал мягко, но в то же время обладал ощутимым весом. — Попробуй медово-лимонный чай. Это свежий мед, с пасеки в Хогсмиде.

Цзээркэсы опустился на стул напротив и тут же начал погружаться в Окклюменцию. Как только кончики его пальцев коснулись края чашки, Дамблдор неожиданно произнес:

— Ты провел три часа в самой глубине Запретного леса, не так ли?

Рука Цзээркэсы, державшая чашку, замерла. Глубинные зоны леса — места, куда даже профессора Хогвартса заглядывали крайне редко, не говоря уже о приглашенном преподавателе прорицания.

— Я наблюдал за фестралами, — Цзээркэсы поднял взгляд, встречаясь с глазами Дамблдора, в которых за стеклами очков промелькнула искра вопроса. Он по-прежнему вел себя как обычно — жизнерадостный и элегантный молодой преподаватель. — Частота вибрации их крыльев и связь с магическими колебаниями... возможно, это поможет объяснить принцип бесшумного полета.

— Слышал, ты провел некоторое время в Норвегии этим летом? — Дамблдор заговорил первым, слегка постукивая пальцами по столу. — Миграция троллей в тех краях весьма величественна. В молодости я тоже однажды бывал там.

Цзээркэсы опустил глаза, упершись пальцами в колени. На его маске невозмутимости появилась трещинка:

— Просто сопровождал одного старшего родственника, нужно было сменить обстановку.

— Я знаю, что последние годы дались тебе нелегко. — Голос Дамблдора стал глуше, а взгляд внезапно обрел остроту. — Но есть вещи, от которых не убежать, как бы ты ни старался.

— Вы вызвали меня не для того, чтобы обсуждать мои дела или норвежские пейзажи. — Голос

Цзээркэсы звучал ровно, но в нем проскользнула едва уловимая настороженность и холод. — Что именно вы хотите узнать?

Дамблдор не ответил. Он взял со стола серебряный пинцет, выудил из стеклянной банки светящегося жука и осторожно положил его на столешницу.

Коснувшись поверхности, жук превратился в серебряную нить и пополз в сторону Цзээркэсы, оставляя за собой тонкие световые следы.

— Знаешь, что это? — Дамблдор смотрел на жука с таким спокойным видом, словно обсуждал погоду.

— Жук памяти, — бесстрастно ответил Цзээркэсы. — Способен впитывать эмоциональные отпечатки, а если наложить заклятие эха — воспроизводить недавние диалоги.

Он не пошевелился, позволив жуку поползти до края своего ботинка. Серебряный след описал круг вокруг носка обуви и неспешно пополз обратно. Никакого аномального свечения не возникло.

Дамблдор вдруг усмехнулся. Легким движением пальца он превратил жука обратно в серебряную брошь.

— Ты очень осторожен, Цзээркэсы. — Он подтолкнул брошь к центру стола. — Но мне нужно знать: как ты на самом деле относишься к ребенку, который поступит к нам в следующем году?

Солнце внезапно скрылось за облаками, и температура в кабинете словно упала на несколько градусов. Цзээркэсы посмотрел в глаза Дамблдору, в которых читалась невиданная доселе серьезность. Сбросив маску добропорядочного юноши, он медленно произнес:

— Мне нет до него дела. В моих глазах он ничем не отличается от других детей.

Дамблдор постучал пальцами по столу, и ломтик лимона в чашке плавно завращался.

— Ты беспокоишься о ком-то? Или... о чем-то более глубоком?

Он внезапно поднял руку. Вода в чашке перед Цзээркэсы мгновенно превратилась в лед, а через секунду растаяла, превратившись в горячую воду, от которой поднимался густой пар.

— Не пытайся скрыть свои способности, Цзээркэсы. Ты видишь будущее — это не обычный дар. Ты второй человек в моей жизни, обладающий им.

Цзээркэсы замолчал на несколько мгновений. Он провел рукой сквозь пар над чашкой, тот закружился в воздухе и быстро рассеялся.

— Я вижу лишь вероятности, — тихо сказал он. — Например, сейчас: вы на самом деле проверяете, не стану ли я изгонять жука памяти или на чью сторону я встану.

Борода Дамблдора слегка дрогнула, и он достал пожелтевшую старую фотографию.

— Ты прав. — Он подтолкнул фото вперед. — Потому что в следующем году Хогвартс ждет самый хрупкий баланс за всю историю. А ты — единственный, кого я смог найти, кто при нарушении этого равновесия не склонится ни к свету, ни к тьме.

Цзээркэсы насмешливо фыркнул:

— Только потому, что я никогда не учился в Хогвартсе?

Цзээркэсы взял фотографию. На ней был изображен младенец, и в ледяных голубых глазах Цзээркэсы на мгновение вспыхнул призрачный красный свет. Подняв голову, он встретился с многозначительным взглядом Дамблдора.

— Дамблдор, вы мастерски ведете свою игру... Но к чему мне это, профессор? Почему я должен вмешиваться?

— Не вмешиваться? — голос Дамблдора стал громче, и портреты на стенах принялись выглядывать из своих рам. — Когда начнется война, никто не сможет остаться в стороне. Мне нужна твоя помощь...

— Помощь в чем? — перебил его Цзээркэсы, уголки его губ искривились в холодной усмешке.
— Чтобы я стал фигурой на вашей шахматной доске? Или рискнул жизнью ради мальчишки, которого даже не знаю? Прошу прощения, директор, но я не настолько великодушен.

Пальцы Дамблдора замерли. Он посмотрел на Цзээркэсы со сложным выражением в глазах.

— Я просто не хочу, чтобы ты сбился с пути...

В кабинете воцарилась мертвая тишина, лишь ветер за окном изредка шевелил занавески. Дамблдор смотрел на юношу перед собой, чей образ постепенно сливался с образом того, другого человека — с той же упрямостью и несгибаемой волей. В конце концов, Дамблдор вздохнул, и в его голосе послышалась усталость.

— Возвращайся, — Дамблдор взмахнул палочкой, и дверь кабинета автоматически открылась.
— Хорошо подумай о том, сколько вероятностей ты готов сохранить ради этого ребенка.

Когда Цзээркэсы вышел из кабинета, солнце как раз снова пробилось сквозь облака и упало на него.

В это время Дамблдор, сидящий за столом, поднял свою чашку, сделал глоток и тяжело вздохнул:

— Он оказался даже сильнее, чем я предполагал. Я не могу его разгадать...

<http://bllate.org/book/21836/2262664>